

В проекте «Вечернего Минска» — известные люди с неравнодушным и откровенным взглядом на происходящее и на себя. Наш сегодняшний собеседник — председатель Совета Компартии Беларуси Алексей Камай

Государственный Камай

От механика до секретаря ЦК Компартии

— Алексей Степанович, позвольте присоединиться к самым высоким поздравлениям, которые прозвучали в ваш адрес в начале апреля. Шумно отмечали 80-летие?

— В день рождения мы просто сели за стол семьей: сын с невесткой, дочка с внуками, родные мне люди. К сожалению, без любимой супруги — семь лет как ее нет рядом... Выпили граммов по сто коньяка и поговорили спокойно — с полседьмого до одиннадцати вечера. А вот 1 апреля — это официально записанный мой день рождения — накрыли два стола в зале. И дверь была весь день открыта: кто посчитал нужным — зашел, кто не посчитал — не обижался ни на кого. — Но дверь не закрывалась, да?

— Не закрывалась. Очень признателен Александру Григорьевичу за добрые слова в приветственном адресе. Буду и дальше честно служить Отечеству. Делегациями поздравляли, я ведь в двух районах почетный гражданин — в Быховском и Краснопольском. Приехали из Кировского района, где родился, из Бобруйска и Могилева, из Гомеля, где работал. Руководитель нашей Компартии Игорь Карпенко с делегацией пришел, Николай Никитович Слюньков, Ефрем Евсеевич Соколов... Одна компания приходила, поздравляли, посидели, по чашке выпили, и пошли. За ними — следующие. Закончилось все поздно вечером.

— Юбилей — такая особенная дата, когда наверняка подводят жизненные итоги. Какие моменты считаете для себя значимыми?

— Я бы выделил две позиции. Первая: мне повезло по жизни учиться у талантли-

вых людей. После Белорусской сельскохозяйственной академии начинал механиком в совхозе и дошел до второго секретаря ЦК партии. Люди, с которыми приходилось трудиться, встречаться, делились всем: наблюдениями, знаниями, жизненным опытом. Вторая: мне везло на встречи с людьми труда. Разве состоялось бы то Краснополяе, его взлет в конце 60-х — начале 70-х, если бы не они? Не забыть, как в бытность первым секретарем райкома мне доводилось каждый день встречаться с людьми в хозяйствах. Никогда не любил пафосных фраз «битва за урожай», «прорыв», «трудоулов фронт», но был уверен в том, что человеку надо уметь выслушать, заинтересовать результатами своего труда, правильно мотивировать. И получалось! Краснополяе, к примеру, по урожаю картофеля стало примером для всей республики. Меня даже в шутку стали называть бульбьяником.

Чернобыльская беда

— Ваша — нет, не карьера — судьба тесно связана, переплетена с аварией на Чернобыльской атомной электростанции. Вы ведь на тот момент возглавляли Гомельский обком партии и в роковую ночь 26 апреля были одним из первых, кто узнал об аварии...

— Самая трагичная нота моей жизни — Чернобыль. Это, по сути, трагедия определенного уклада жизни, трагедия наций, которая могла бы перерасти в трагедию людей на земном шаре, если бы не удалось в ночь с 7 на 8 мая 1986 года подвести жидкий азот и остановить подъем температуры. Могли бы сдетонировать все ядерные ракеты, что были на территории Беларуси, и не только. По тем картам и

схемам, которые у меня были, могу сказать: не было бы Гомеля, не было бы Киева, Чернигова, Бобруйска, Жлобина. Значительно пострадал бы Минск и так далее. Но гораздо проще кричать: «Ганьба!», чем разбираться в ситуации. Не забыть 28-й съезд партии, на котором меня избрали председателем комиссии по политической оценке должностных лиц в связи с аварией на ЧАЭС и ликвидацией последствий. В комиссии — 42 человека, в том числе 13 — наши земляки. И когда с Николаем Ивановичем Рыжковым, а он до этого уже побывал на Гомельщине, я условился принять митингующих «делегатов» из чернобыльской зоны, стоящих на улице, никто из них... не пришел. И это мой ответ всем тем, кто тогда, в том числе и по Минску, носил бумажные гробы (с моим именем в том числе) — БНФ организовывал такое шествие. Дилетанство и политиканство — плохой спутник в любых делах. А я всегда был уверен: если человек посвящает себя какой-то проблеме, он должен фундаментально знать тему. Потому что политиканство и дилетанство часто используют для эмоциональных решений вопросов, для безответственного возбуждения народа: «Я так считаю», «Это вы не так делаете», «Я знаю лучше»... А как сделать, не знают.

Когда говорим о трагедии Чернобыля, мне представляется важным следующий вывод. Как бы мы ни были уверены в технической надежности объекта, мы должны помнить: там, где есть высокий уровень автоматизации, непродуманное, неграмотное или безразличное отношение человека может привести к техногенной катастрофе. Что и случилось в Чернобыле. Помню, в

90-м году в газете «Советская Белоруссия» был большой разворот: «Чернобыль. Трагедия. Боль. Поиск. Надежды». И мне, тогда второму секретарю ЦК, задали вопрос: «А как вы относитесь к тому, если бы в Белоруссии когда-либо начала строиться атомная станция?» Мой ответ перед вами: «Как мешанин, я отношусь на фоне случившегося отрицательно. Как государственный и гражданин Отечества, я буду за». За год до Чернобыля на Гомельщине прошел семинар по вопросам информаций в случае аварии на каких-то станциях. Участвовали гражданская оборона, военные, руководство киевского, гомельского, черниговского облисполкомов. Случилась авария — тишина. Никто никакой полезной информации не дал. Между тем еще в 1969 (!) году Институт биофизики Академии наук СССР представил правительству и гражданской обороне Министерства обороны регламент действий на случай аварий, или, как там говорилось, нестандартных ситуаций, на атомных станциях. Но дальше этого не пошло. А что, нельзя было принять Государственную программу радиационной защиты населения? Нельзя было каждому человеку положить на стол памятку, как он должен себя вести и когда надо окно закрыть? Что должен иметь под рукой йодистый калий, кальций, должен знать, как мыть руки. Что нельзя пить молоко... Красноречив сам факт: мы не готовились к каким-то нестандартным ситуациям. Более чем 130 тысячам человек на Гомельщине врачи выдали медикаменты для профилактики. Но это все шло с опозданием, а самые мощные выбросы йода произошли в первые часы, дни... Все это дает основание делать вывод: если мы, бе-

лорусы, имеем дело с атомной станцией, то должны заранее, не наступая ситуацию, на основе и опыта, и исследований ученых разработать не только положения и рекомендации — у каждого должна быть своя настольная книжка.

— Алексей Степанович, вы совершенно справедливо говорите об уроках Чернобыля. Подозреваю, что ваших выводов-размышлений хватит не на одну книгу...

— У меня десятки блокнотов с записями, наблюдениями, размышлениями. И вопросы. О тех же критериях загрязненности, которые утвердили только в 1987 году. Не буду обсуждать, где огрехи, где неудачи. Это история. Те, кого отселили, получили деньги, жилье, дай бог им только здоровья. По отселению людей в Беларусь сделано почти невозможное. Решены вопросы контроля за их здоровьем, медицинского обслуживания, выполнения многих социальных задач. Но есть загрязненная зона, где люди проживали, проживают и будут проживать. До 30 процентов цезия-137 проникает в организм человека через корневую систему растений. Значит, должна быть особая технология, нужны известковые, минеральные удобрения. Я сожалею, что цеолиты из Азербайджана перестали завозить. Ими спасли Хойники, Брагин, Наровля, зоны в Ветковском районе. А 70 процентов нагрузки на организм идет за счет «пылевых». Вопросы технической, технологической, производственной гигиены, санитарии должны быть одними из главных в работе с населением, которое проживает в зоне определенного воздействия радионуклидов, их малых доз.

Один важный момент, касающийся детей. Убежден, что

их оздоровление должно проводиться только в наших или приближенных к ним климатических условиях. Нельзя ребят отправлять в края с повышенной солнечной радиацией! А детей везут в Испанию, Италию, на Кубу! Да, отдыхают, да, конфеты, мороженое, море и так далее. Но есть ли там меню для оздоровления детей? Я задаю этот вопрос нам. Коль мы эту тему знаем, мы должны в Беларуси иметь целую группу санаторно-курортных предприятий, которые работают по государственным стандартам. Это должны быть стандарты по ассортименту и качеству продуктов питания, содержанию, оздоровлению, отдыху детей, проживающих в зараженной зоне.

И еще один урок. По поводу разговоров о росте онкологии в «чернобыльских» районах. Есть, как мне кажется, главные медицинские специалисты по учету радиационных нагрузок: радиолог, эндокринолог, гематолог... Они могут своевременно обнаружить те нагрузки на организм, которые способны привести к онкологии. И только они, специалисты высшего класса, могут отличить, где техногенное влияние, экологическое, а где — радионуклидов. А не просто понаблюдать: «Ну так вы же знаете, это Чернобыль! А, ну вы около «Нафтана» живете!» Такое дилетантство приводит людей к шоковому состоянию — и там жить нельзя, и отсюда бежать надо...

Поправьте меня, если я не прав. Когда случилась авария и добывать информации не удавалось ни из Киева, ни из Москвы, пока там, «наверху», еще думали, как поступить с людьми, в Беларусь было принято решение об отселении людей. Не официально. И вот эта цифра: практически из 50 населенных пунктов абсолютное большинство жителей было отселено еще до официального заявления о чернобыльской катастрофе...

— Это было не просто отселение. Это была людская беда. Одни плачут и клянут, другие ругаются, третьи пьют, четвертые готовы всех разорвать. Все это надо было выслушивать, всему внутреннему сопереживать — и решать вопросы отселения. Это сейчас — мобильники, а тогда, пока сам не приедешь, микрофон-«матюгалник» в руки не возьмешь, никто никого не слушает, все отказываются уезжать. Никогда не забуду, как в одном большом совхозе — свыше трехсот дворов — вокруг меня собрались сотни полторы людей: «Ну вот если сейчас секретарь с этого колодца воду выпьет, тогда поедет». Выпил. «А-а-а, все хорошо, теперь можно и не ехать». Так повернули. И мой ответ: «Если сейчас не сядете в автобусы, отдам команду — всех понудят уехать. А так даю час на сборы». Я показывал свои архивы многим журналистам. Когда человек уезжал, его спрашивали: «Твоя хата каких размеров?» Ответ: «6 на 7». Пишешь 6 на 7. «Сколько она стоит?» — «Ну, наверное, тысяч 30». — «Запиши 30 своей рукой. Свиная твоя какого веса?» — «60 килограммов». — «Запиши. Ко-

рова, теленок — запиши. Записал — распишись...» Мы договорились ничего не уточнять, верить людям на слово. Как меня тогда страдал министр финансов Болеслав Иосифович Шатило: «За то, что ты там пишешь, тебя и меня в тюрьму посадят...» Главным было одно: людей надо успокоить, как-то снять тяжесть потерь, отселить. Все остальное не имело значения. Уже когда повторно отселили летом и осенью 1986 года, там уже считали и взвешивали, но все равно брали расписку: согласен — не согласен. И все деньги получили — за хату, за живность...

♦ Всегда был уверен: если человек посвящает себя какой-то проблеме, он должен фундаментально знать тему. Потому что политиканство и дилетанство часто используют для эмоциональных решений вопросов, для безответственного возбуждения народа: «Я так считаю», «Это вы не так делаете», «Я знаю лучше»... А как сделать, не знают.

О времени, о себе, о стране

— О советском прошлом сегодня вспоминают часто, многие — с ностальгией. А вы, Алексей Степанович?

— К власти всегда есть претензии, большие или малые. Но попробуйте не согласиться с такой позицией: Советский Союз был тем государством, которое впервые поставило вопрос о социальной справедливости, ответственности перед человеком. Я был первым секретарем обкома, получал 500 рублей. Я был вторым секретарем ЦК, получал зарплату 550 рублей. По Гомельской области средняя зарплата была 110 рублей. Разница? Один к пяти. Сегодня даже у нас в Беларуси мы уже боимся называть разницу... Вопрос государственного обеспечения не обсуждался — человек учился, шел работать, шел на гарантированную пенсию от государства. При этом мог получить областную пенсию в 110 рублей, республиканскую — в 150, союзную — в 175 рублей... Я не за митинги, я не за революцию. Но переживаю: как бы вопросы обогащения одних за счет других не привели к взрыву. Счастье, что в Беларуси нам удалось многое сохранить из того хорошего в экономике, что было. Потому что главное условие для жизни людей — это экономический базис. Он государству принадлежит или частному лицу? Частное лицо поделится только тогда, когда посчитает нужным... Я за то, чтобы крупные предприятия, государствообразующие, градообразующие, районнообразующие, оставались в руках государства. Мы, коммунисты, поддерживаем в этом Александра Григорьевича, но при этом четко отстаиваем позиции в отношении социальных гарантий, медицинской помощи, образования...

— Сегодня много говорится про разноречивую политику. А вам как кажется, с кем нам будущее?

— С Россией. Со славянскими государствами. Не надо думать, что Европа нас очень ждет. Нет, она ждет, но скорее свободного рынка для своих товаров, захвата наших базовых предприятий. Посмотри-

те, что сегодня в Прибалтике. Там практически уже нет своих предприятий, а раз нет производства — нет людей, которые трудятся по своей специальности на свое государство и гордятся своей землей, прославляют ее. Конечно, легко нам с Россией не будет, по многим позициям она сегодня качается... Но это наш путь, убежден. Другое дело, нам самим надо задуматься о том, как соответствовать времени.

— Алексей Степанович, какими источниками информации вы сегодня пользуетесь? Кому доверяете?

— Считаю, надо учиться анализировать все источники, сравнивать, чтобы видеть, куда общество движется. И потом надо понять, куда тебя самого хотят подтолкнуть... Когда меня в Бобруйске назначили начальником управления сельского хозяйства, мне было 29 лет. И один умнейший человек, Федор Никифорович Шарованов, царствие ему небесное, мне посоветовал: «Вот вы сутками мотаетесь... Не поленитесь, параллельно возьмите фундаментальную книгу по земледелию и читайте. Вопросы — себе в блокнот... Второй месяц — книга по животноводству. Третий — банковский справочник. Далее — по финансам. Пройдет 7-8 месяцев, и у вас будет научная база». Так всегда и делал. Все остальные источники, в том числе СМИ, как приложение, хотя выписываю и читаю много газет и журналов.

— Знаю, что у вас огромная библиотечка, а недавно вы одолели все 36 томов серии «Жизнь замечательных людей». Чья жизнь зацепила больше?

— Жуковского. С его философским взглядом на проблемы, сложные ситуации... Понимаете, когда наступают трудные моменты, человек с ними остается один на один. И моя жизнь не раз это подтверждала. Вот запрещали партию. Многие сбежали. Ну кто думал, что в парламенте, где более 80 процентов коммунистов, они же проголосуют за приостановление ее деятельности? Кто думал, что многие первые руководители республики в партии не восстановятся?.. Не забыть, как шел из дома на сессию, а мне кричали вслед: «Ты одиозная личность, в последний раз идешь на сессию через парк Горького...» Так вот, если ты не будешь знать жизнь других людей в критических ситуациях, не будешь от них по крупицам что-то брать с собой, быстро сломаешься.

Беларусь партизанская?

— Есть в календаре праздник, который вам особенно дорог?

— Сожалею, что у нас не установлен День партизана-подпольщика. Как законный государственный праздник. Сейчас, когда мы говорим о развитии гражданской обороны, территориальной обороны, пример партизан и подпольщиков неосценим для молодого поколения. Это ведь был настоящий второй фронт...

Екатерина ДУБИНСКАЯ